

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

Как известно, представителей феноменологической парадигмы интересуют не столько объективные различия социальных феноменов, сколько то, как они субъективно воспринимаются на уровне обыденного сознания людей в процессе их жизнедеятельности.

Основоположником феноменологической социологии явился А. Шютц (1899-1959), который предложил оригинальный методологический подход для анализа социальных действий индивидов в контексте мира субъективных значений повседневной жизни.

Здесь представлена работа Шютца "Возвращающийся домой". В ней раскрываются представления социолога об интерсубъективности мира. Суть этих представлений состоит в том, что позиции, взгляды на социальные реалии одного индивида и другого несовместимы, ибо каждый человек оказывается в своем особом мире повседневной жизни.

Как считал Шютц, адекватная коммуникация возникает благодаря появлению общего для взаимодействующих интерсубъективного мира, т.е. привычного социального мира, который в конечном счете обусловлен интеракциями между людьми, принадлежащими к

одной весьма узкой социальной группе, которую социолог называет "домашней" группой.

Особый интерес для Шютца представляет проблема реадaptации индивидов к своей "домашней" группе после того, как они ее покинули по тем или иным причинам и какое-то время жили в иных социальных группах, неизбежно усваивая новые знания и новые измерительные линейки ценностей, типичные для этих групп. Социолог отмечает, что положение возвращающегося отлично от положения чужестранца — последний готов к тому, что этот мир организован иначе, по сравнению с тем, из которого он прибыл. Возвращающийся же ожидает встретить то, что ему хорошо знакомо. Однако ситуация полностью меняется для покинувшего дом индивида. Солдат, ушедших на службу, нередко удивляют письма из дома — сказывается разрыв пространства и времени со своей группой, что отражается на интерпретациях объектов и явлений, которые уже рассматриваются через призму уникальной биографической ситуации солдата. С другой стороны, когда возвращающийся домой будет говорить о своей жизни на фронте, может оказаться, что его поступки кажутся близким людям величайшим героизмом, в то время как сам он их представляет борьбой за выживание или выполнением долга. И напротив: героизм может вовсе игнорироваться людьми дома. Возвращающийся зачастую чувствует "как ребенок без матери". Социолог приходит к выводу, что "поначалу не только родина покажет возвращающемуся домой незнакомое лицо, но и он покажется странным тем, кто его ждет".

П. Бергер (р. 1929) и Н Лукман (р. 1927) в соавторстве написали работу "Социальное конструирование реальности", в которой, по существу, излагаются методологические основы современной феноменологии. Их основной смысл состоит в том, что общество создается благодаря деятельности индивидов, которые обладают знанием в виде субъективных значений или коллективных представлений. Каково будет общество и его институты зависит в конечном счете от сознания людей: социальная реальность конструируется конкретными субъективными значениями людей в процессе их деятельности.

Созданный в процессе социализации интерсубъективный мир имеет тенденцию продолжать свое существование. Но его необходимо поддерживать. Эту функцию выполняет легитимация, которая по сути представляет собой способы объяснения и оправдания социальной реальности. Главными агентами поддержания — значимые другие.

Обратим внимание и на то, что субъективная реальность, по мнению П. Бергера и Н. Лукмана, всегда зависит от специфического социального базиса и требуемых для ее поддержания социальных процессов. Важнейшими средствами поддержания социальной реальности является общение и употребление одного языка. Благодаря этим факторам реальность и воспроизводится и удерживается в сознании людей. Через общение индивиды сохраняют в памяти реальность. При прекращении контактов с теми, кто разделяет соответствующую реальность, возникает риск крушения субъективной реальности. Контакты с альтернативной реальностью также могут подрывать первоначальную субъективную реальность. По этим и другим причинам субъективная реальность может трансформироваться.

Субъективно человек может быть совершенно искренним, осуществляя переосмысление своей биографии, приспособляя ее к новому жизненному миру. В этой связи социологи обращают внимание на то, что прошлое перетолковывается для того, чтобы оно стало соответствовать новым реалиям. Через раскрытие механизма трансформации субъективной реальности феноменологи объясняют мотивы поведения людей, которые зачастую неосознанно становятся актерами в драме, неоднократно переписывая исторические события.

А. Шютц

ВОЗВРАЩАЮЩИЙСЯ ДОМОЙ

Возвращающемуся домой дом показывает — по крайней мере вначале — непривычное лицо. Человек думает, что попадает в незнакомую страну, пока не рассеиваются облака. Но положение возвращающегося отлично от ситуации чужестранца. Последний должен присоединиться к группе, которая не является и никогда не была его собственной. Этот мир организован иначе, чем тот, из которого он прибыл. Возвращающийся, однако, ожидает вернуться в окружение, где он уже был, о котором он имеет знание, которое, как он думает, сумеет использовать, чтобы войти с ним в контакт. У чужестранца нет этого знания, возвращающийся домой надеется найти его в памяти. Так он чувствует и испытывает типичный шок возвращающегося Одиссея, описанный Гомером.

Этот типичный опыт возвращения домой мы будем анализировать в общих терминах социальной психологии. Возвращающиеся с войны ветераны — крайний случай, и он хорошо описан в литературе. Мы можем ссылаться и на опыт путешественников, возвращающихся из зарубежных стран, и на эмигрантов, возвращающихся в родные края. Все они — примеры возвращающихся домой, и не на время, как солдат на побывку или студент на каникулы.

Что мы, однако, понимаем под домом? Дом — это то, с чего мы начинаем, сказал бы поэт. Дом — это место, куда каждый намерен вернуться когда он не там, — сказал бы юрист. Мы будем понимать под домом нулевую точку системы координат, которую мы

приписываем миру, чтобы найти свое место в нем. Географически это определенное место на поверхности земли. Но дом — это не только пристанище: мой дом, моя комната, мой сад, моя крепость. Символическая характеристика понятия "дом" эмоционально окрашена и трудна для описания. Дом означает различные вещи для разных людей. Он означает, конечно, отцовский дом и родной язык, семью, друзей, любимый пейзаж и песни, что пела нам мать, определенным образом приготовленную пищу, привычные повседневные вещи, фольклор и личные привычки, — короче, особый способ жизни, составленный из маленьких и привычных элементов, дорогих нам.

Опросы показывают, что для одних дом — это томатный сэндвич с ледяным молоком, для других — свежее молоко и утренняя газета у двери, для третьих — трамваи и автомобильные гудки. Таким образом, дом означает одно для человека, который никогда не покидает его, другое — для того, кто обитает вдали от него, и третье — для тех, кто в него возвращается.

Выражение "чувствовать себя как дома" означает высшую степень близости и интимности. Домашняя жизнь следует организованным рутинным образцам, она имеет хорошо определенные цели и апробированные средства, состоящие из набора традиций, привычек, институтов, распорядка для всех видов деятельности. Большинство проблем повседневной жизни может быть решено путем следования образцам. Здесь не возникает потребности определять и переопределять ситуации, которые ранее встречались много раз, или давать новые решения старым проблемам, уже получившим удовлетворительное решение. Способом жизни дома управляет не только моя собственная схема выражений и интерпретаций, она является общей для всех членов группы, к которой я принадлежу. Я могу быть уверен, что, используя эту схему, пойму других, а они меня. Система релевантостей, принятая членами моей группы, демонстрирует высокую степень конформности. Я всегда имею шанс — субъективно или объективно — предсказать действия другого в отношении меня, равно как и их реакцию на мои действия. Мы можем не только предвидеть, что произойдет завтра, но и планировать более отдаленное будущее. Вещи продолжают оставаться такими же, как были. Конечно, и в повседневности есть новые ситуации и неожиданные события. Но дома даже отклонения от повседневной рутины управляются способами, с помощью которых люди обычно справляются с экстраординарными ситуациями. Существуют привычные способы реагировать на кризисы в бизнесе, для улаживания семейных

проблем, отношения к болезни или даже смерти. Как это ни парадоксально, здесь существуют рутинные способы иметь дело с инновациями.

В терминах социальных взаимоотношений можно было бы сказать, что жизнь дома — это жизнь в так называемых первичных группах. Этот термин, введенный Кули, чтобы обозначить близкие отношения лицом к лицу, стал привычным для социологических учебников. Для нашей цели будет полезно проанализировать некоторые скрытые импликации этого термина.

Прежде всего, мы должны различать отношения лицом к лицу и близкие отношения. Первые предполагают общее пространство и время. Общность пространства означает, что телесные движения, выражения лица, жесты открыты наблюдению партнера как симптомы его мысли. С другой стороны, общность пространства означает, что определенный сектор внешнего мира доступен всем участникам отношения лицом к лицу. Внутри этого общего горизонта есть объекты общего интереса и общей релевантности. Общность времени не простирается столь далеко и не означает внешнего (объективированного) времени, разделяемого с партнером, но она означает, что каждый из них участвует во внутренней жизни другого. Я могу схватить мысли другого в живом настоящем и соотнести с моим собственным потоком мышления. "Я для других" и "он для меня" являемся не абстракциями, не только примерами типичного поведения, но и — поскольку мы разделяем живое настоящее — уникальными индивидуальными личностями. Таковы отличительные черты ситуации лицом к лицу, которую мы предпочитаем называть "чистым мы-отношением". И это очень важно, поскольку мы можем показать, что все другие социальные отношения могут, а для некоторых целей и должны быть интерпретированы как производные от него. Однако важно понимать, что чистое мы-отношение относится лишь к формальной структуре социальных отношений, основанных на общности пространства и времени. Оно может быть наполнено множеством содержаний, демонстрирующих различные степени близости и автономности. Разделять живое настоящее с женщиной, которую мы любим, или с соседом на дороге различные типы отношений лицом к лицу. Понятие "первичные группы" Кули предполагает определенное содержание такого отношения — близость. Но само понятие близости, как я полагаю, приложимо не только к отношениям лицом к лицу. Тем не менее, термин "первичная группа", как общеупотребительный, подразумевает третье понятие, независимое от названных двух, повторяющийся характер определенных

социальных отношений. Женитьба, дружба, семья состоят не из перманентных, строго непрерывных отношений лицом к лицу, но из серии прерывающихся лицом к лицу отношений. Точнее, так называемые первичные группы являются институционализированными ситуациями, позволяющими вновь восстанавливать прерванные отношения и продолжать их с того момента, когда они были прерваны. Это не уверенность, но шанс, что они будут восстановлены и продолжены, и существование этого шанса принимается во внимание всеми членами группы.

После подобных разъяснении вернемся к тому, что жизнь дома означает по большей части жизнь в актуальных или потенциальных первичных группах, т.е. в общем с другими пространстве и времени, в общем окружении объектов как возможных целей, средств и интересов, основанных на непрерывной системе релевантностей. Жить дома — это значит воспринимать другого как уникальную личность в живом настоящем, разделять с нею антиципации будущего в качестве планов, надежд и желаний, наконец, это означает шанс восстановить отношения, если они прерваны. Для каждого из партнеров чужая жизнь становится частью его автобиографии, элементом личной истории.

Таков аспект социальной структуры домашнего мира для тех, кто в нем живет. Она полностью изменяется для того, кто покинул дом.

Он вступил в иное социальное измерение, не покрываемое системой координат, используемых как схема референции у себя дома. Он не испытывает в опыте живого настоящего многих социальных отношений, составляющих текстуру его домашней группы, в качестве их участника. В результате разрыва единства пространства и времени со своей группой, поле интерпретации, в котором другой проявляет себя, для него резко сужается. Персональность другого не воспринимается им как целостность: она дробится на части. Нет целостного переживания в опыте близкого человека: его жестов, похоти, манеры речи. Остались лишь воспоминания и фотографии. Но есть

такое средство коммуникации, как письма. Однако пишущий письмо обращается к тому типу адресата, который он оставил, уходя из дому, и адресат читает письма того человека, с которым он простился. Предполагается, что то, что было типичным в прошлом, будет типичным и в настоящее время, т.е. сохранится прежняя система релевантностей. Но в жизни обоих партнеров могут возникнуть инновации. Солдат нередко удивляли письма из дома. Эта смена систем релевантностей коррелирует с изменением степени близости: домашняя группа продолжает существовать в повседневной жизни по привычному образцу. Конечно, сам образец тоже может изменяться. Но эти изменения медленные, к которым люди адаптируют свою систему интерпретаций, приспособлявая себя к изменениям. Иными словами, система меняется как целое, без разрывов и разломов. Даже в модификациях всегда есть завешание того, как совладать с жизнью, за исключением случаев насильственного разрушения в катастрофах или враждебных действиях. У отсутствующего всегда есть преимущества в познании этого всеобщего образца. Он может представить себе действия матери или сестры в той или иной ситуации, исходя из прошлого опыта, но они не могут иметь того же опыта в отношении жизни солдата на фронте. Правда, средства массовой информации, рассказы возвращающихся и пропаганда дают некоторую картину жизни на фронте, но эти стереотипы формируются не спонтанно, а направляются, просеиваются в военных и политических целях. Но ситуация солдата уникальна. Когда по возвращении он будет говорить о ней — если вообще заговорит, — то увидит, что даже симпатизирующие ему люди не понимают уникальности его индивидуального опыта, который сделал его другим человеком.

Они будут стараться найти знакомые черты уже сформировавшихся типажей солдатской жизни на фронте. С их точки зрения, его жизнь на фронте лишь в незначительных деталях отличалась от того, что они читали в журналах. Так, может оказаться, что многие поступки, которые кажутся людям проявлением величайшего мужества, на самом деле для солдата в бою — лишь борьба за выживание или исполнение долга, в то время как другие многочисленные примеры самопожертвования и героизма остаются недооцененными людьми дома.

Несоответствие между уникальностью и важностью, которые отсутствующий приписывает своему опыту, и псевдотипизацией его людьми, оставшимися дома и приписывающими этому опыту псевдорелевантность, является одним из величайших

препятствий для возобновления мы-отношений. Успех или неудача возвращающегося домой зависят от шанса трансформировать эти социальные отношения в возобновляющиеся. Но даже если подобное отношение и не превалирует, исчерпывающее решение этой проблемы остается недостижимым идеалом.

Но здесь оказывается под вопросом ни много, ни мало, как обратимость внутреннего времени. Это та самая проблема, которую Гераклит выразил афоризмом о невозможности войти в одну и ту же реку дважды и которую Бергсон анализировал как длительность: суть ее состоит в том, что прошлый опыт приобретает иное значение. Да и вернувшийся человек уже не тот: ни для себя, ни для тех, кто ждал его возвращения. Это справедливо для всех возвращающихся. Даже если мы возвращаемся домой после короткого перерыва, мы обнаруживаем, что старое, привычное окружение приобретает дополнительное значение, возникающее из нашего опыта в период отсутствия: вещи и люди, по крайней мере вначале, имеют другие облики. И требуется определенное усилие, чтобы трансформировать нашу деятельность в рутинное русло и реактивировать наши прежние отношения с людьми и вещами.

В определенной мере каждый возвращающийся домой вкушает магические плоды отстраненности, будь они сладки или горьки. Лишь огромная тоска по дому заставляет переводить в старые образцы новые цели, новые средства их реализации, навыки и опыт, приобретенные вдали от дома.

К сожалению — и это главное — нет гарантии, что социальные функции, выдержавшие тест в одной системе, смогут сделать то же, будучи перенесены в другую. Это особенно справедливо в отношении возвращающихся с войны ветеранов. С социологической точки зрения, армейская жизнь демонстрирует странную амбивалентность. Она характеризуется исключительно высокой степенью принуждения, дисциплины, навязанной контролирующей и нормативной структурой. Чувство долга, товарищества,

ощущение солидарности и субординации — выдающиеся качества, развитые в индивиде, но в данном случае они замкнуты внутри рамок определенной группы и не открыты его собственному выбору. Эти черты ценны как во время мира, так и во время войны. Однако во время войны они регулируют поведение лишь внутри своей группы, но не врагов. Отношение к врагам является скорее противоположным навязанной дисциплине. То, что превалирует в нем, чтобы одолеть противника, не может быть использовано в образцах гражданской жизни в западных демократиях. Война — это тот архетип социальной структуры, который Дюркгейм назвал нарушением закона. В гражданском обществе солдат должен выбирать свои цели и средства и не может, как в армии, следовать авторитету или руководству. Поэтому он нередко чувствует себя, как ребенок без матери.

Другой фактор. Во время войны служащие в вооруженных силах имеют привилегированный статус в обществе. "Все лучшее — нашим солдатам" — таков лозунг военного времени. И как гражданские смотрят на человека в военной униформе, так и он сам смотрит на себя, даже если выполняет незначительную работу в вооруженных силах. Но возвращающийся домой лишен униформы, а с нею и привилегированного положения в обществе. Это не означает, конечно, что он лишается престижа защитника родины, однако история показывает, что преувеличенное долголетие не сопутствует памяти о славе.

Сказанное ведет к практическим выводам. Много сделано, но еще больше предстоит сделать, чтобы подготовить возвращающегося домой ветерана к необходимости прилаживания к дому. Равно необходимо подготовить к его приходу и домашнюю группу. Через прессу и радио следует разъяснять домочадцам, что человек, которого они ждут, уже не тот, другой, и даже не такой, каким его воображают. Повернуть пропагандистскую машину в противоположном направлении, разрушить псевдотипы батальной жизни и жизни солдата вообще и заменить его на правду — не простая задача. Но необходимо уничтожить прославление сомнительного голливудского героизма и нарисовать реалистическую картину того, как эти люди думают и чувствуют, — картину не менее достойную и вызывающую к памяти. Поначалу не только родина покажет возвращающемуся домой незнакомое лицо, но и он покажется странным тем, кто его ждет. И те, и другие должны быть мудры.

П. Бергер, Т. Лукман

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Проблема социологии знания

Основные положения аргументации этой книги содержатся уже в ее названии и подзаголовке: реальность социально конструируется, и социология знания должна анализировать процессы, посредством которых это происходит. Ее ключевые термины "реальности" и "знание" термины, которые используются не только в повседневной речи, но и в философской традиции, имеющей длительную историю. Сейчас нет нужды обсуждать семантические сложности повседневного или философского использования этих терминов. Для наших целей достаточно определить "реальность" как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания (мы не можем "от них отделаться"), а "знание" можно определить как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками. Именно такой (надо сказать, упрощенный) смысл вкладывают в данные термины и рядовой человек, и философ. Обычный человек живет в мире, который является "реальным" для него, хотя и не все его аспекты "реальны" для него в равной степени и он "знает", хотя и с разной степенью уверенности, что этот мир обладает такими-то и такими-то характеристиками. Конечно, философ будет задавать вопросы относительно предельного статуса как "реальности", так и "знания". Что является реальным? Откуда это нам известно? Это один из наиболее древних вопросов не только чисто философского исследования, но и человеческого мышления как такового. Вероятно, именно поэтому вторжение социолога на освященную веками интеллектуальную территорию вызовет недоумение у обычного человека и ярость у философа. Посему важно с самого начала пояснить как смысл, в котором мы используем эти термины в контексте социологии, так и то, что у нас нет никаких претензий на решение социологией этих старых философских вопросов.

Если бы мы собирались педантично следовать своим аргументам, то, употребляя вышеуказанные термины, каждый раз должны были бы давать их в кавычках, что стилистически излишне. Однако употребление кавычек ключ к пониманию того, как эти термины применяются в социологическом контексте. Можно сказать, что социологическое понимание "реальности" и "знания" находится где-то посередине между пониманием их рядовым человеком и философом. Рядовой человек обычно не затрудняет себя вопросами, что для него "реально" и что он "знает", до тех пор, пока не сталкивается с проблемой того или иного рода. Он считает свою "реальность" и свое "знание" само собой разумеющимися. Социолог не может сделать этого хотя бы только вследствие понимания того факта, что рядовые люди в разных обществах считают само собой разумеющимися совершенно различные "реальности". Благодаря самой логике своей дисциплины социолог вынужден спрашивать если не что-то еще, нельзя ли объяснить разницу между двумя "реальностями" огромными различиями этих двух обществ. С другой стороны, философ в силу своей профессии вынужден ничего не принимать на веру и стремиться к достижению максимальной ясности в отношении предельного статуса того, что рядовой человек считает "реальностью" и "знанием". Иначе говоря, философ стремится решить, где кавычки нужны, а где их можно спокойно опустить, то есть отделить обоснованные утверждения о мире от необоснованных. Понятно, что социолог не может этого сделать. Если не стилистически, то логически социолог должен иметь дело с кавычками.

Например, рядовой человек может считать, что обладает "свободой воли" и поэтому "отвечает" за свои действия, в то же время не признавая этой "свободы" и "ответственности" за детьми и лунатиками. Философ любыми доступными ему методами будет исследовать онтологический и эпистемологический статус этих понятий. Свободен ли человек? Что такое ответственность?. Каковы пределы ответственности? Как можно все это знать? И тому подобное. Нет нужды говорить, что социолог находится не в том положении, чтобы давать ответы на эти вопросы. Однако что он может и должен сделать так это спросить, как получается, что понятие "свобода" считают само собой разумеющимся в одном обществе, но не в другом, как "реальность" этого понятия поддерживается в одном обществе и, что еще интереснее, как эта "реальность" может быть однажды утеряна индивидом или всем коллективом.

Таким образом, социологический интерес к проблемам "реальности" и "знания" объясняется прежде всего фактом их социальной относительности. То, что "реально" для тибетского монаха, не может быть "реальным" для американского бизнесмена. "Знание" преступника отличается от "знания" криминалиста. Отсюда следует, что для особых социальных контекстов характерны специфические агломераты "реальности" и "знания", а изучение их взаимосвязей предмет соответствующего социологического анализа. Так что потребность в "социологии знания" возникает, как только становятся заметными различия между обществами в понимании того, какое знание считается в них с собой разумеющимся. Кроме того, дисциплина, называющая себя так, должна изучать те способы, посредством которых "реальности" считаются "познанными" в том или ином обществе. Другими словами, социология знания должна иметь дело не только с эмпирическим многообразием "знания", существующим в различных человеческих обществах, но и с процессами, с помощью которых любая система "знания" становится социально признанной в качестве "реальности".

Согласно нашей точке зрения, социология знания должна изучать все то, что считается в обществе "знанием", невзирая на обоснованность или необоснованность (по любым критериям) такого "знания". И поскольку всякое человеческое "знание" развивается, передается и сохраняется в социальных ситуациях, социология знания должна попытаться понять процессы, посредством которых это происходит и в результате чего "знание" становится само собой разумеющейся "реальностью" для рядового человека. Иначе говоря, мы считаем, что социология знания имеет дело с анализом социального конструирования реальности.

Существовали самые различные определения сущности и сферы социологии знания, и можно было бы сказать, что история этой субдисциплины была тем самым историей различных ее определений. Однако, по общему мнению, предметом социологии знания является взаимосвязь человеческого мышления и социального контекста, в рамках которого он возникает.

Ни в широком, ни в узком смысле эта проблема не нова. Понимание того, что ценности и мировоззрения имеют социальное происхождение, можно найти уже в античности. По крайней мере начиная с эпохи Просвещения это понимание становится главной темой современного западного мышления. Можно было бы привести веские аргументы в пользу ряда "генеалогий" для главной проблемы социологии знания. Даже можно было бы сказать, что эта проблема *in nuce* уже содержится в знаменитом изречении Паскаля: то, что истинно по одну сторону Пиренеев, ошибочно по другую. Однако непосредственными интеллектуальными предшественниками социологии знания являются три направления германской мысли XIX столетия марксизм, ницшеанство и историцизм.

У Маркса берет свое происхождение основное положение социологии знания о том, что социальное бытие определяет человеческое сознание. Было много споров по поводу того, какую именно детерминацию Маркс имел в виду. Однако бесспорно, что "борьба с Марксом", которая была характерна не только для социологии знания на начальной стадии ее развития, но и для "классического периода" социологии вообще (особенно явная в работах Вебера, Дюркгейма, Парето), на самом деле была по большей части борьбой с ошибочной интерпретацией Маркса современными марксистами. Это утверждение кажется еще более достоверным, когда подумаешь о том, что лишь в 1932 году была заново открыта очень важная работа Маркса "Экономико-философские рукописи 1844 г.", и лишь после второй мировой войны стало возможным полностью оценить значение этого открытия для понимания Маркса. Как бы то ни было, социология знания унаследовала от Маркса не только наиболее глубокую формулировку ее центральной проблемы, но также несколько ее ключевых понятий, среди которых особо следует отметить такие понятия, как "идеология" (идеи как оружие социальных интересов) и "ложное сознание" (мышление, которое отчуждено от реального социального бытия мыслящего). Особое впечатление на социологию знания было произведено понятиями Маркса "субструктура/суперструктура" (*Unterbau/Ueberbau*). Вокруг правильной интерпретации этих Марксовых понятий разгорелась бурная полемика. Позднее марксизм (например, Ленин) пытался отождествить "субструктуру" *tout court* с экономической структурой, а суперструктура считалась ее непосредственным "отражением". Сейчас совершенно ясно, что это искажение мысли Маркса, представляющее собой скорее механистический, чем (как предполагалось) диалектический вид экономического детерминизма. Маркс указывал на то, что человеческое мышление производно от человеческой деятельности (точнее, труда) и от социальных взаимосвязей, возникающих в результате этой деятельности. Базис ("субструктуру") и надстройку ("суперструктуру") можно лучше понять, если соответственно рассматривать их как человеческую деятельность и мир, созданный

этой деятельностью.

Одним из наиболее влиятельных американских социологов, обративших серьезное внимание на социологию знания, был Роберт Мертон. Обсуждение этой дисциплины, которому было посвящено две главы его основного труда, стало полезным введением в эту область для тех социологов, которые испытывали к ней интерес. Мертон сконструировал парадигму социологии знания, иначе сформулировав ее основные темы в сжатой и ясной форме. Это интересная конструкция, так как в ней он пытается совместить подход социологии знания со структурно-функциональной теорией. Мертоновские понятия "явные" и "скрытые" функции применительно к сфере идей позволяют различать преднамеренные, сознательные функции идей и непреднамеренные, бессознательные. Хотя внимание Мертона было сосредоточено главным образом на работах Мангейма, который был для него социологом *par excellence*, он подчеркивал также значение дюркгеймовской школы и Питирима Сорокина.

Интересно, что Мертону, по-видимому, не удалось заметить связи социологии знания с некоторыми влиятельными направлениями американской социальной психологии, как, например, теория референтных групп, которую он рассматривает в другой части той же самой работы.

Социология знания должна заниматься всем тем, что считается "знанием" в обществе. Как только это определено, становится ясно, что фокус внимания на интеллектуальной истории выбран неудачно, или, точнее, выбран неудачно, если он становится главным фокусом социологии знания. Теоретическое мышление, "идеи", *Weltanschauungen* это не то, что является самым важным в обществе. Хотя каждое общество содержит эти феномены, они лишь часть всего того, что считается "знанием". Лишь очень небольшая группа людей в обществе занята теоретизированием, производством "идей" и конструированием *Weltanschauungen*. Но каждый в обществе тем или иным образом

причастен к его "знанию". Иначе говоря, лишь немногие заняты теоретической интерпретацией мира, но каждый живет в том или ином мире, фокус внимания на теоретическом мышлении не только чрезвычайно ограничивает социологию знания, он неудовлетворителен еще и потому, что даже эту часть существующего в обществе "знания" нельзя понять полностью, если она не помещена в рамки более общего анализа "знания".

Преувеличивать важность теоретического мышления в обществе и истории естественная слабость теоретиков. И потому тем более необходимо устранить это заблуждение интеллектуалов. Теоретические определения реальности, будь они научными, философскими или даже мифологическими, не исчерпывают всего того, что является "реальным" для членов общества. И поэтому социология знания прежде всего должна заниматься тем, что люди "знают" как "реальность" в их повседневной, не- или дотеоретической жизни. Иначе говоря, скорее повседневное знание, чем "идеи", должно быть главным фокусом социологии знания. Это именно то "знание", представляющее собой фабрику значений, без которого не может существовать ни одно общество.

Поэтому социология знания должна иметь дело с социальным конструированием реальности. Анализ теоретического выражения этой реальности, безусловно, будет оставаться частью этого предприятия, но не самой важной его частью. Должно быть понятно, что, несмотря на исключение эпистемологическо-методологических проблем из сферы социологии знания, ее новое определение, которое мы здесь предлагаем, оказывается гораздо шире, чем то, которое давалось ей до сих пор, и что оно имеет далеко идущие последствия.

Возникает вопрос, в какой степени новое определение социологии знания в указанном выше смысле допускает включение в ее рамки теоретические компоненты. Глубоким пониманием необходимости нового определения мы обязаны Альфреду Шюцу. В своих

работах Шюц и как философ, и как социолог обращался к изучению структуры обыденного мышления в мире повседневной жизни. Хотя сам он не разрабатывал социологию знания, но ясно видел, на чем эта дисциплина должна сосредоточить свое внимание. Все типизации обыденного мышления сами являются интегральными элементами конкретно-исторического и социально-культурного жизненного мира (Lebenswelt), в рамках которого они считаются само собой разумеющимися и социально признанными. Наряду с другими вещами их структура определяет социальное распределение знания, его относительность и соответствие конкретному социальному окружению конкретной группы в конкретной исторической ситуации. Здесь находят свое основание проблемы релятивизма, историцизма и так называемой социологии "знания".

И снова процитируем Шюца. "Знание социально распределяется, и механизм этого распределения может быть предметом социологической дисциплины. Верно, что у нас есть так называемая социология знания. Однако за небольшими исключениями дисциплина, неправильно названная, подходила к проблеме социального распределения знания лишь под углом идеологического обоснования истины в зависимости последней от социальных и особенно экономических условий, от социального контекста образования или от социальной роли человека знания. Не социологи, а экономисты и философы изучали некоторые из многих других теоретических аспектов этой проблемы".

Хотя мы и не будем уделять основное внимание социальному распределению знания, которое имел в виду Шюц, мы согласны с его критикой "неправильно названной дисциплины" и исходим из его концепции в своем понимании того, каким образом следует заново определить задачу социологии знания. В последующих рассуждениях мы в значительной степени опираемся на Шюца; в пролегоменах в связи с обоснованием знания повседневной жизни, да и в других важных аспектах нижеследующей аргументации мы во многом обязаны именно ему.

На наши антропологические предпосылки, из которых мы исходим, большое влияние оказал Маркс, особенно его ранние работы, Хельмут Плесснер, Арнольд Гелен и другие авторы. Взгляды на природу социальной реальности во многом обусловлены влиянием Дюркгейма и французской

социологической школы, хотя мы модифицировали дюркгеймовскую теорию общества за счет введения диалектической перспективы, характерной для Маркса, и подчеркивая в духе Вебера, что структура социальной реальности конституируется субъективными значениями. Наши социально-психологические предпосылки, особенно важные для анализа интернализации социальной реальности, в значительной степени обусловлены влиянием Джорджа Герберта Мида и его последователей, представляющих школу так называемого символического интеракционизма в американской социологии.

Мы можем заверить читателя, что у нас нет особой заинтересованности в ярлыке "социология знания". Скорее, мы пришли к социологии знания благодаря нашему пониманию социологической теории, руководствуясь при этом своим методом в новом определении ее проблем и задач. Лучше всего можно описать путь, по которому мы продвигались, сославшись на два наиболее важных, наиболее известных и наиболее влиятельных "порядка продвижения" для социологии.

Один сформулирован Дюркгеймом в "Правилах социологического метода", другой Вебером в "Хозяйстве и Обществе". Дюркгейм говорит нам: "Первое и наиболее фундаментальное правило гласит: рассматривайте социальные факты как вещи". А Вебер отмечает: "И для социологии в ее нынешнем смысле, и для истории объект познания это совокупность субъективных значений действия". Эти два положения не противоречат друг другу. Общество, действительно, обладает объективной

фактичностью. И общество, по сути дела, создается благодаря деятельности индивидов, имеющих субъективные значения, что, кстати, знал Дюркгейм, подобно тому, как Вебер знал о том, что общество представляет собой объективную фактичность. Именно двойственный характер общества в терминах объективной фактичности и субъективных значений придает ей характер "реальности *sui generis*", если использовать другой ключевой термин Дюркгейма. Тогда главный для социологической теории вопрос может быть поставлен следующим образом: каким образом субъективные значения становятся объективной фактичностью? Или, в терминах указанных выше теоретических позиций, как возможно создание мира вещей (*choses*) в человеческой деятельности (*Handeln*)...